

ботка новой философии - нового понимания природы, основанного не на умозрениях, а на серьезном изучении природы и постепенного развития жизни, т.е. эволюции, которая составляет основу современной науки.

Бэкон и Галилеи были предтечами этой науки, которая во второй половине XVII века все ясней стала понимать свою силу и необходимость полного освобождения от церквей, как католической, так и новых, протестантских. Для этого ученые стали спланировать между собой и основывать научные «академии», т.е. общества, работающие для свободного изучения природы; и в этих академиях признавалось основным принципом опытное исследование вместо прежних словопрений. Таковую цель преследовали академии, возникшие сперва в Италии, а потом и Королевское общество, основанное в Англии в XVII веке и ставшее с тех пор оплотом естественнонаучного знания и образцом для таких же обществ, основанных во Франции, Голландии и Пруссии и т. д.

Такой поворот в науках естественно отразился и на науке о нравственности. Фрэнсис Бэкон уже за несколько лет до английской революции сделал попытку - весьма, впрочем, осторожную - освободить вопрос о происхождении и сущности нравственных понятий от религии. Он осмелился высказать, что отсутствию религиозных убеждений не следует приписывать разрушительного влияния на нравственность, что даже безбожник может быть честным гражданином, тогда как, с другой стороны, суеверная религия, если она берет на себя руководить нравственностью человека, представляет действительную опасность. Выражался Бэкон чрезвычайно сдержанно - иначе в его время и нельзя было выражаться; но сущность его мысли была понятна, и с тех пор та же мысль стала все громче и определеннее высказываться в Англии и во Франции. Тогда вспомнили о философии Эпикура и стоиков и началось развитие рационалистической этики, т.е. этики на научных основаниях, трудами Гоббса, Локка, Шефтсбери, Кэдворса, Хатчесона, Юма, Адама Смита и др. в Англии и Шотландии и Гассенди, Гельвеция, Гольбаха и многих других - во Франции¹.

Любопытно, однако, что главная черта объяснения нравственности, данного Бэконом (на которое я указал уже во второй главе), а именно то, что уже даже у животных инстинкт общительности бывает сильнее и постояннее инстинкта самосохранения, оставлено было без внимания его последователями и даже смелыми поборниками естественного объяснения нравственности².

Только Дарвин в конце своей жизни решился повторить мысль Бэкона на основании своего собственного наблюдения природы и положил ее в основу нескольких замечательных страниц о происхождении нравственных чувств, вошедших в его книгу «Происхождение человека» (см. выше, гл. 2), но даже и теперь писатели об этике обходят эту мысль, которая должна была бы лечь в основу рациональной этики, тем более что, хотя и в менее определенной форме, она все-таки мерцала в основе всех учений, искавших объяснения нравственности в самой природе человека.

После Бэкона из философов XVII века то же самое прекрасно понял и еще определеннее высказал Гуго Гроций (Hugo Grotius) в сочинении «О праве войны» (*de jure bellis*. 1625)³. После нескольких замечаний о создателе и его влиянии на выработку нравственных понятий не непосредственно, а через посредство «хотя созданной им, но неизменяемой разумной природы», Гроций не задумался признать, что источником «права» и тесно связанных с ним нравственных понятий были природа и познающий ее разум.

Религиозную нравственность и постановления обрядов он выделил из области естественной нравственности и занялся только изучением последней. Под природой же он понимал человеческую

¹ Замечательное сочинение Джордано Бруно «*Saggio della bestia trionfante*», изданное в 1584 году, прошло почти незамеченным. Точно так же книга Шаррона «*De la Sagesse*», издание 1601 года (в издании 1604 года пропущено смелое место о религии), где сделана была попытка основать нравственность на простом здравом смысле, не имела, по-видимому, большого распространения вне Франции. *Essais Montaigne* (опыты Монтеня) (1588), который оправдывал многообразие религий, имели, впрочем, большой успех. Наиболее полный перевод «Опытов» Монтеня в трех книгах вышел в Москве в 1954-1960 гг.

² Замечательно, что и Йодль, историк этики, необыкновенно чуткий ко всяким новым влияниям в этической философии, тоже не оценил по достоинству те немногие слова, в которых Бэкон выразил свою мысль. Он видел в них отголосок греческой философии или так называемого естественного закона, *lex palmarum* (1573), тогда как Бэкон, выводив нравственность из общительности, свойственной как человеку, так и большинству животных, давал новое, естественнонаучное объяснение первооснов нравственности.

³ Имеется в виду работа: Grotius Hugo. *De jure belli ac pacis*. 1625, которая в 1703 г. вышла в Гааге на французском языке. (Grotius Hugo. *Le droit de la guerre et de la paix*. Tr. Du latin en françois, par M. De Covrтин) (Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1957),